

образов должны подвести читателя к оправданию этого убийства, но весь анализ сосредоточен на психологических размышлениях героев. А сам принц вызывает даже сострадание критика. «...сластолюбивый, слабый, но притом добродушный Принц, могущий согласиться на великое злодеяние, когда то способствует удовлетворению его страсти, но всегда достойный нашего сожаления».¹⁸

«Заговор Фиеско» произвел на Карамзина, по его же словам, большое впечатление, особенно сценой, где Фиеско размышляет, остаться ли ему простым гражданином или присвоить верховную власть; но при анализе пьесы мысль Карамзина идет всё в том же направлении: внимание его целиком поглощено внутренними переживаниями героя, живостью языка монолога.

Гражданский пафос драмы, «закаленная, — по определению Добролюбова, — в республиканстве натура Веррины», видевшего в собственном оскорблении «возможность оскорбления целой Генуи, беззащитность невинности и слабости от насилия власти...»,¹⁹ не привлекают внимания Карамзина.

Давая обзоры парижских спектаклей, Карамзин останавливается на драмах и комедиях, в которых преобладает прежде всего элемент чувствительности или содержание настолько просто, незамысловато, безыдейно, что они не принесут никакого вреда русской читающей публике, не заставят ее хотя бы на мгновение задуматься над событиями.

«Легко» или «трогательно» — вот эпитафия, который может быть поставлен к пьесам, разбираемым Карамзиным. Поэтому, если в репертуаре встретится критику драма, созданная, например, по горячим следам французской революции, то о ее содержании не будет сказано ни слова, ибо «в ней представляется народное смятение, взятие Бастилии, и прочее, что может быть интересно для одной парижской публики».²⁰

Карамзин ищет в произведении, в характере персонажа «натуральность», способную «трогать» душу читателя, вызывать «слезы умиления». Действие драмы должно «раздирать душу» «чувствительного зрителя».

Эти «сладкие впечатления», «трогательное», «прекрасное» приводят к тому, что критик «забывает критику». Вот как он, например, пишет о впечатлении, произведенном на него постановкой драмы Коцебу «Ненависть к людям и раскаяние». «Никакая пьеса не оставляла во мне таких сладких впечатле-

¹⁸ «Московский журнал», 1791, ч. I, стр. 71.

¹⁹ Н. А. Добролюбов, Полн. собр. соч. в 6 томах, т. I, ГИХЛ, 1934, стр. 489.

²⁰ «Московский журнал», 1791, ч. III, стр. 326—327.